

Р.В. ВОРОБЬЁВ

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИМА
С МАВРЕТАНО-НУМИДИЙСКИМИ ЦАРСТВАМИ
В КОНЦЕ III – ВТОРОЙ ТРЕТИ I ВВ. ДО Н.Э.**

Поражение Карфагена во II Пунической войне (218–201 гг. до н.э.) изменило политическую карту Северной Африки. При поддержке Рима здесь возникло обширное Нумидийское царство под управлением Масиниссы. В период между второй и третьей пуническими войнами молодое царство разрослось за счет территорий карфагенского государства и сопредельных образований. Западные границы пролегли по р. Мулуха, на востоке его территории простирались до Киренаики. После разрушения Карфагена Сципионом Младшим в 146 г. до н.э. на бывших пунических землях была образована римская провинция Африка, что привело к появлению общей римско-нумидийской границы.

В конце II в. до н.э. в ходе Югуртинской войны (111–105 гг. до н.э.) римляне установили отношения с правителем другого местного образования – мавретанским царем Бокхом I (Старшим). В течение двух третей I в. до н.э., в результате ряда поражений нумидийских царей в проримских выступлениях, земли Нумидии оказались разделенными между римскими и мавретанскими территориями.

В историографии признается зависимость местных царств от средиземноморской державы, однако степень и формальное обоснование этой зависимости понимаются по-разному. Одни исследователи считают, что мавретано-нумидийские царства самим своим существованием были обязаны, по большей части, стандартной римской политике вмешательства в дела зависимых государств и, помимо прочего, мерам по копированию племенных вождей для улучшения контроля над ситуацией.¹ Соответственно, верховенство Рима было изначальным и безоговорочным, местные правители выступали лишь послушными исполнителями чужой воли. Другие отмечают, что зависимость местных царств усиливалась постепенно, превращение же их в фактические владения Рима, возглавляемые марионеточными правителями, происходило в результате и по итогам каких-либо рубежных событий: Югуртинской войны, по мнению Т. Котули², изменения ситуации к эпохе Октавиана – Ф. Лева³.

Обобщенность выводов в немалой степени объясняется тем, что вопрос, зачастую, рассматривается исследователями применительно к мавретано-нумидийским царствам в целом. Для подкрепления выводов используется материал по истории Нумидии, более обширный и лучше сохранившийся. Также привлекаются источники по истории Мавретанского царства нумидийской династии (25 г. до н.э. – 40 г. н.э.), положение которого в корне отличается от ситуации с мавретанскими образованиями указанного периода; либо проблема освещается ретроспективно, с противопоставлением царства Юбы II⁴ предшествующей эпохе. Все это затрудняет понимание специфики положения собственно мавретанских царств в рассматриваемое время.

Внешне и нумидийские, и мавретанские цари изначально выступали самостоятельными правителями. Они заключали договор с римской державой на равноправных началах, получая в обмен на конкретные заслуги звание «царя, друга и союзника римского народа». Из античных авторов Флор, едва ли не единственный, примени-

тельно к концу II в. до н.э. говорит о клиентских отношениях Республики и Нумидийского царства (Flor., I, XXXVI, III, 1, 3). Другие авторы не пользуются подобной терминологией, поэтому судить однозначно о сути взаимоотношений Рима с ливийскими царствами в этот период затруднительно. Однако вплоть до эпохи нумидийской династии в Мавретании нет оснований считать мавретано-нумидийские царства и их правителей клиентами Рима.

Вопрос о степени зависимости местных правителей от римской державы напрямую связан с вопросом об их возможностях распоряжаться своей властью и территорией. Французский исследователь Ф. Лева поддерживает мнение, что формальная правовая зависимость от средиземноморской державы характеризовала лишь положение Мавретанского царства нумидийской династии, и применительно к образованиям предшествующей эпохи в трудах античных авторов является анахронизмом⁵.

Тем не менее, уже во II в. до н.э., когда римляне, по праву победителя в пунических войнах, являлись арбитрами в спорах Масиниссы и Карфагена, когда Сципион делил наследство нумидийского царя между его сыновьями, а позже сенат проводил границы между Югуртой и Адгербалом, Рим выступал высшей инстанцией, по меньшей мере, фактическим распорядителем властных полномочий местных правителей, а также земель Нумидийского царства.

Полибий (в письме Сципиона к Пруссии – Pol., XXI, 11, 6–9) отмечал, что Масиниссу, как и некоторых других правителей в цари, из слабых и малозначащих фигур возвели римляне, и, в другом месте (речь Эвмена в сенате – Pol., XXI, 21, 2), что царем над большей частью Ливии его поставили римляне. Здесь очевидны заявления по поводу изначальной принадлежности власти и территорий царей Нумидии Риму.

В I в. до н.э. вопрос о верховном праве собственности римского народа на нумидийские территории актуализировался в связи с социально-экономическими проблемами в римском государстве и соответствующим направлением развития провинциальной политики. Он неоднократно поднимался на обсуждениях и в сенате, и в народных собраниях. В январе 63 г. до н.э. в своей второй речи по поводу проекта земельного закона П. Сервилия Рулла Цицерон прямо говорил, что нумидийский царь Гиёмпсал II владеет землями римского народа, добытыми Сципионом Африканским⁶. Позднее в 49 г. до н.э. народным трибуном Г. Скрибонием Курионом был внесен законопроект о включении царства Юбы I в состав римского государства (Caes., V.C., II, 25)⁷.

По всей видимости, на ситуацию также оказали влияние особенности развития ливийского сообщества, находящегося на стадии классового образования и политогенеза. По мнению К.Р. Виттакера, местные предводители осуществляли свою власть не посредством владения землей, а в результате контроля определенных областей⁸. В силу неразвитости в местной среде понятия частной собственности на землю ливийские цари придавали большее значение реально существующему положению, чем далеким от местной жизни нормам римского права. Поэтому на первоначальных этапах, пока Рим претендовал на верховное право владения, но мало вмешивался в дела ливийских царств непосредственно, конфликтных ситуаций не возникало. Только позднее, с углублением римско-нумидийских отношений и вхождением царства в средиземноморскую систему международных отношений, по мере активизации связанных с этим процессов внешнего и внутреннего развития Нумидии, перед царями со всей очевидностью встал вопрос о праве распоряжаться собственными территориями, о сохранении власти и получении гарантий от римского вмешательства, которое даже в мирное время могло обернуться потерей царства.

Римляне же изначально обращали особое внимание именно на вопросы правового оформления⁹. Аннексируя в результате военных конфликтов территорию Нумидийского царства, с юридической точки зрения они рассматривали это как возврат принадлежавших Риму по праву войны с Сифаком¹⁰ и Карфагеном земель¹¹, которые были предоставлены во временное пользование дружественным царям и отбираются у тех правителей, которые заняли враждебные римлянам позиции¹².

Таким образом, сложно согласиться с Ф. Леве и однозначно рассматривать указания на верховное право Рима в отношении нумидийских земель в качестве допущенных античными авторами анахронизмов. Даже если понятие о верховном праве Рима на нумидийские земли сформировалось в окончательном виде лишь ко второй половине I в. до н.э., предпосылки этого процесса, представление о зависимости власти нумидийских царей от римлян существовали намного раньше, с создания единого Нумидийского царства и раздела Сципионом наследства и властных полномочий Массиниссы. Именно в широком озвучивании этого права в различных кругах римского общества, кроется, вероятно, объяснение того, что данный вопрос нашел отражение в трудах последующих авторов.

С другой стороны, применительно к мавретанским правителям до прихода нумидийской династии (25 г. до н.э. – 40 г. н.э.) в источниках не встречается утверждений о верховном праве римлян на территорию их царств¹³. Это свидетельствует об отличии, в рассматриваемый период, положения мавретанских и нумидийских царств с точки зрения римской правовой системы. Исконные мавретанские земли к западу от реки Мулуха не были римской собственностью, полученной в результате войны. Местные правители, даже находясь в зависимости от воли Рима, не были обязаны ему своей властью.

Между тем, в результате ряда политических событий конца II – середины I вв. до н.э. (Югуртинская, гражданские войны и др.), западные земли Нумидийского царства при попустительстве Рима постепенно переходили под власть мавретанских царей. Это можно объяснить, вероятно, не только слабым еще интересом римлян к территориям будущей Цезарейской Мавретании, трудностями их освоения, но также хищническими планами мавретанских царей и более реальными, с их стороны, возможностями контроля этих земель.

Политическое расширение мавретанского региона в восточном направлении, появление, в конечной перспективе, мавретанско-римской границы, укрепление авторитета и рост значимости мавретанских царей не могли не тревожить римлян. Однако в рассматриваемое время Рим не располагал эффективными средствами воздействия на ситуацию в западных частях Северной Африки. Римлянам приходилось ограничиваться общими напоминаниями о своем праве на западнонумидийские территории, а также декларативными подтверждениями за мавретанскими правителями фактически реализуемого ими права пользования захваченными землями (Sall., Jug., 111, 1; App., B.C., IV, 54; Cass. Dio, XLIII, 45, 3).

В то же время, заявление верховных прав на бывшие территории Сифака в перспективе могло послужить поводом для установления контроля за деятельностью восточномавретанских царей. Последние, таким образом, становились формальными пользователями принадлежащих Риму земель масесилов. Подобная позиция давала возможность с точки зрения римского права и политики сблизить положение нумидийских династов и правителей восточной Мавретании.

Чувствуя, вероятно, шаткость такой постановки вопроса, римляне не озвучивали ее публично. К тому же, ею оставались неохваченными западные, собственно маврские земли. В этой связи следует обратить внимание на активность Рима в локаль-

ных, казалось бы, событиях, произошедших в Мавретании в 38 г. до н.э. (Cass. Dio, XLVIII, 45).

Невозможность для экономически развитого средиземноморского города жить в зависимости от, в сущности, местного вождя была, вероятно, основной причиной недовольства Тингиса, открыто проявляемого во времена внутренних смут¹⁴. Волнения в этом городе дали повод к вмешательству восточномавретанского царя Бокха Младшего и римлян – сторонников Октавиана. В 38 году был свергнут правитель западной Мавретании Богуд II и образовано единое царство. Тингис получил права римского самоуправления¹⁵, что исключало возможность повторения подобной ситуации уже в царстве Бокха II¹⁶.

Очевидно, что дарование городу Тингису римского (или латинского, ученые расходятся здесь во мнении) права, как один из итогов произошедших событий, имело целью создание плацдарма в западной Мавретании. Эта необходимость была тем очевиднее, что в других мавретанских городах, в отличие от нумидийских, не было, по всей вероятности, значительного контингента римских поселенцев, при чьей поддержке Рим мог бы оказывать влияние на внутреннюю политику местных царей¹⁷.

По-видимому, опора на Бокха Младшего в этой войне также не случайна. Нумизматические данные показывают большую проримскую ориентацию Богуда II¹⁸. Однако, Октавиан не старался переманить его на свою сторону, но предпочел ориентироваться на Бокха Младшего. Причиной могло быть положение Бокха II. Это царь восточной Мавретании, земли которой формально были переданы мавретанским правителям Римом, а не являлись их историческими территориями, как районы западнее реки Мулухи. Также это царь, возможно, оказывавший помощь помпеянкам и сражавшийся с наместником Октавиана в Испании¹⁹. Соответственно, дискредитировавший себя Бокх II скорее мог отвечать интересам Рима, чем более последовательный в своей политической репутации Богуд II²⁰.

События вокруг восстания Тингиса и появления единого мавретанского царства потворствовали желанию Рима укрепиться на западных территориях не только с позиций силы, но и в плане юридического оформления правоты собственных действий. Военное вмешательство предоставляло зыбкое обоснование права войны на формально независимые западномавретанские территории. Образование единого Мавретанского царства под управлением восточномавретанского царя могло послужить поводом для более поздних заявлений о получении местными правителями власти и территорий из рук Рима.

Таким образом, очевидны различия правовых положений нумидийских, восточных и западных мавретанских царств в их юридически обоснованной зависимости от римской державы. Статус нумидийских царств с точки зрения Рима не вызывал сомнений. Это были территории, владение которыми осуществлялось на основе права войны. Дарование права пользования местным царям – «друзьям римского народа» – подразумевало сохранение высшей власти Рима, верховного права собственности и распоряжения территорией.

Относительно мавретанских царств, даже восточных, расположенных на бывших нумидийских землях, ситуация представляла в ином свете. Здесь обоснование права верховной собственности Рима было более зыбким. В результате, римскими правящими кругами предпринимается ряд усилий для сближения позиций мавретанских и нумидийских царей в этой области²¹. Не будучи уверенными в направлении дальнейшего развития ситуации, не имея значимого представительства своих поселенцев в мавретанских городах, не обладая твердыми юридическими основаниями для предъявления прав на западные территории и не располагая в рассматриваемое время

достаточными возможностями, римляне могли стремиться к созданию любых, хотя бы чисто формальных, обоснований своих претензий на мавретанские земли.

Примечания

- ¹ См., напр., *Brett M., Fentress E. The Berbers. Oxford, Cambridge (USA), 1996. P. 47–48, 50.*
- ² *Kotula T. Afryka Polnocna w starozytnosci. Wroclaw, 1972. P. 124–126.*
- ³ *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 316–317.* В ходе постепенного перехода римской политики во II–I вв. до н.э. от системы косвенного к системе прямого подчинения (по этому вопросу см., Егоров А.Б. Римское государство и право. СПб., 2006. С. 57).
- ⁴ Юба II (годы правления – 25 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) – первый представитель нумидийской династии, поставленной римлянами в воссозданном в последней трети I в. до н.э. Мавретанском царстве.
- ⁵ *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 316–317.*
- ⁶ *Cic., De agr., II, XXII, 58.* В консульство Г. Аврелия Котты (75 г. до н.э.), добавляет Цицерон, была сделана попытка укрепить права нумидийского царя посредством заключения соответствующего договора. Однако этот договор не был утвержден решением народа.
- ⁷ С наибольшей определенностью в этот период вопрос верховенства Рима был сформулирован, вероятно, Саллюстием в речи Адгербала к римскому сенату. – *Sall., Jug., 14, 1–2; 8.*
- ⁸ *Whittaker C.R. Land and labour in North Africa // Whittaker C.R. Land, city and trade in the Roman Empire. Aldershot, 1993. P. 334, 340–341.*
- ⁹ Об этом, как о характерной черте в действиях римлян, пишет Ф. Лева – *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 320.*
- ¹⁰ Сифак – соперник Масиниссы, правитель масесилов. Во время II Пунической войны в конечном итоге поддержал Карфаген, был пленен римлянами, территории его царства составили западные районы объединенной Нумидии.
- ¹¹ По римскому праву, вся земля и имущество побежденных становились римской общественной собственностью. Даже в случае добровольной сдачи и подписания мирного договора часть имущества и земель побежденного государства оказывалась подвластной Риму. См.: Альвар Х. Поверженные испанцы. Отношение римлян к побежденным // ВДИ. 2005. № 2. С. 97, 100; Егоров А.Б. Римское государство и право. СПб., 2006. С. 56–59; Колосовская Ю.К. Паннония в I–II веках. М., 1973. С. 58; *Kotula T. Afryka Polnocna w starozytnosci. Wroclaw, 1972. S. 112; Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 318.*
- ¹² В более поздний период, на рубеже эр, подобным образом описывает ситуацию Страбон. – *Strab., XVII, 3, 12.*
- ¹³ См.: *Strab., VI, 4, 2; Tac., Ann., IV, 5.*
- ¹⁴ Тингис активно участвовал в междоусобицах II в. до н.э. – *Plut., Sert., IX, 3.*
- ¹⁵ *Cass. Dio, XLVIII, 45, 3.* По-видимому, такая мера указывает также на существенное количество римских граждан, проживавших в этом важном портовом городе. После получения римского права надписи на монетах Тингиса становятся латинско-финикийскими (билингвами) либо чисто латинскими. – *Mazard J. CNM, №№ 612–625.*
- ¹⁶ Волнения в Тингисе начались в 40 г. до н.э., когда Богуд II с войском находился на Иберийском полуострове с целью поддержки сторонников Антония. После потери царства он окончательно примкнул к противникам Октавиана, участвовал в битве при Акции, бежал и был убит в Мессении Агриппой (*Strab., VIII, 4, 3; Cass. Dio, L, 11, 3.* Плутарх путает его с Бокхом II (*Plut., Ant., LXI, 1.*)).
- ¹⁷ В Цирте, столице Нумидии, уже во время Югуртинской войны число римских граждан было настолько велико, что они смогли отбить атаку Югурты на город (*Sall., Jug., 26, 2*), а община так влиятельна, что позднее принудила Адгербала открыть противнику городские ворота (*Sall., Jug., 26, 1–2*).
- ¹⁸ Монеты этого правителя (согласно классификации Ж. Мазара – №№ 103–106) чеканились в итальянских мастерских и содержат надписи на латыни, тогда как монеты, приписываемые Бокху Младшему (№№ 107–117), были по всей вероятности выбиты в его честь местными городами. – *Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque. Paris, 1955. P. 61–65.*
- ¹⁹ По-видимому, Бокх II действительно отличался двойственной позицией. Не случайно многие помпеянцы после поражения при Тапсе бежали в земли восточной Мавретании, и там оказывались в руках Публия Ситтия (*Cass. Dio, XLIII, 9, 5; 12, 2*). Позднее же царь для поддержки помпеянцев послал на Иберийский полуостров войска во главе с сыном (*Cass. Dio, XLIII, 36, 1*). В то же время, указание Аппиана на военную помощь Бокха Младшего в борьбе с Карриной, испанским наместником Октавиана, может быть ошибочным (*App., B.C., V, 26*). Не исключено, что автор путает его с западномавретанским царем.
- ²⁰ В 43 г. до н.э. Богуд II предоставляет убежище квестору Бальбу, присвоившему часть золота и серебра из испанских доходов казны (*Cic., Fam., X, 32, 1*). То есть, западномавретанский царь позволял себе вольности, которые были бы недопустимы для Бокха II, которому следовало заботиться о восстановлении своей репутации в мнении правящих кругов Рима.

²¹ Отражением этого процесса и следует, видимо, считать подчеркивание в литературных источниках, начиная с «Югуртинской войны» Саллюстия (Sall., Jug., 14, 1; 111, 1), права собственности римлян на завоеванные земли (соответственно, права распоряжаться ими по своему усмотрению) и ограниченности права пользования зависимых царей дарованными им территориями.

Список сокращений

App., В.С. – Аппиан. Гражданские войны.
 Caes., В.С. – Цезарь. Записки о гражданской войне.
 Cass. Dio – Дион Кассий. Римская история.
 Cic. – Цицерон.
 Ager. leg. II – Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла.
 Fam. – Письма к близким.
 Flor. – Флор. Две книги эпитом римской истории.
 Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания.
 Sert. – Жизнеописание Сертория.
 Ant. – Жизнеописание Антония.
 Pol. – Полибий. Всеобщая история.
 Sall., Jug. – Саллюстий. Югуртинская война.
 Strab. – Страбон. География.
 Tac., Ann. – Тацит. Анналы.
 BASTHS – Bulletin archeologique du comite des travaux historiques et scientifiques.
 Mazard J. CNM – Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque.

А.В. РАНДИН

ГУСИТСКАЯ ЭПОХА В ЗЕРКАЛЕ ОДНОЙ СУДЬБЫ («РУССКИЙ ГУСИТ» КНЯЗЬ ФРИДРИХ ОСТРОЖСКИЙ)

Князь Фридрих Острожский, «известный гуситский партизан», как его метко охарактеризовал польский историк XIX века¹ – персонаж, по-своему заметный в истории гуситской эпохи, его имя вскользь упоминается на страницах специальных и популярных исторических трудов. Специального исследования о нем нет, но имеется ряд пристрастных и идеологически окрашенных оценок. Для одних он – наиболее примечательная, исключительная фигура среди русских участников гуситской революции, воплощение якобы существовавшей уже в XV в. славянской солидарности, искренне верующий православный человек, глубоко переживавший несправедливое осуждение Яна Гуса и Иеронима Пражского². С его именем связано возникновение курьезной легенды о некоем моравском «Сталинграде», в которой освобождение осажденного Бржецлава таборитским войском в 1426 г. изображается как решающая битва, обеспечившая гуситам контроль над всем моравским маркграфством. При этом большой ключ на бархатной подушке вручил Прокопу Голому сам командир защитников – князь Фридрих³. А для других он – продажный наемник, «восточный князь с пустыми карманами», из корыстных соображений сотрудничавший с гуситами⁴.

Действительно, князь Фридрих из Острога прошел через историю гуситской Чехии и соседних стран таким замысловатым зигзагом, что прежде чем проследить этот головокружительный слалом, когда его имя то появляется в источниках, то исчезает на многие годы, а затем вновь всплывает, но уже в иной роли, на другой стороне баррикады или в третьем государстве, необходимо, хотя бы в грубом наброске, представить себе основные вехи развития гуситского движения и чешской реформации в контексте центрально-европейских реалий 20–30-х гг. XV столетия.